

«Recueil linguistique de Bratislava», II. — Bratislava, Vydavateľ'stvo Slovenskej Akadémie vied, 1968. 198 стр.

Рецензируемый второй том «Братиславского лингвистического сборника» (редактор — И. Ружичка) содержит ряд исследований, выполненных словацкими лингвистами и имеющих целью создать достаточно определенное представление о научном уровне и направлении языковедческих исследований в Словакии и полнее раскрыть специфику отечественных научных традиций.

Как известно, первый том «Братиславского лингвистического сборника» вышел в 1948 г. Двадцать лет — это большой срок, и поэтому особенно приятно обратить внимание на сохранение преемственности, стремление представить новый сборник не как начало новой и отдельной серии, а как продолжение лучших традиций языкознания в данной стране. В этой связи нельзя не напомнить о том, что и в Чехии, возобновляя выпуск знаменитых трудов Пражского лингвистического кружка (причем с тем же внешним оформлением, имеющим целью как бы еще яснее подчеркнуть преемственность), его составители и редакторы стремились наглядно показать лингвистическому миру непрерывность традиции, показать преемственность в развитии данной научной области в этой стране.

Остановимся сначала на некоторых сходствах и различиях, характеризующих первый и второй тома «Братиславского лингвистического сборника». Хотя по объему и количеству статей сборники приблизительно одинаковы, в I томе было проведено отчетливо деление на следующие четыре раздела, а именно: 1) проблемы общелингвистические, 2) проблемы исторической лингвистики, 3) проблемы славянского языкознания, 4) структурная этнография. Поскольку I том был посвящен памяти профессора Й. М. Коживки, указанным выше четырем разделам был предпослан некролог и библиография трудов. Эта же проблематика представлена и в рецензируемом II томе «Братиславского лингвистического сборника», который открывается статьей В. Шванцера «Явление вариантности и комбинаторики в немецком языке». Статья, представляющая собой результат глубокого и серьезного лингвистического исследования на материале сопоставления немецкого и словацкого языков, содержит как очень интересные наблюдения более частного характера, так и важные общетеоретические выводы, касающиеся методики аналитического сравнения (в связи с применением типологических понятий и методов), роли и значения частотности тех или иных типов в разных языках и т. д. Прекрасно обоснованным является общий вывод автора об огромном значении аналитического описания отдельных языков в качестве основы для их «конфронтации»

(или сопоставления), для выявления основных структурных особенностей этих языков.

Статья П. Мистрика «Квантитативные методы и стилистическая типология» вновь ставит вопрос о применении математических методов в лингвистике и о значении математической теории коммуникации, созданной Шенноном и Уивером, причем очень существенной особенностью именно данной работы является интерес к проблемам типологическим. Следует отметить, что стилистическая типология на уровне синтаксиса, по мнению автора, включает как обязательный элемент «связь предложений с контекстом, которая находит формальное выражение в функциональной перспективе предложения». Изучая предложения в контексте, т. е. в плане функциональной их перспективы, автор не упускает из вида и более традиционные методы статистического анализа синтаксиса данного произведения речи, в частности длины предложений как стилистической характеристики данного текста. Особенно следует отметить очень интересный вывод автора о том, что применение объективных математических, в частности статистических, методов в области стилистических исследований должно очень четко различаться в зависимости от характера исследуемого материала.

Статья Л. Новака «Семантизация количественных различий, слоговое сокращение и нулевые морфемы в морфологии словацкого и чешского языков» представляет собой существенный вклад в морфнологию этих языков. Автор следующим образом резюмирует свое исследование: «Как в словацком, так и в чешском языке безусловно имеется тенденция к тому, чтобы придавать количественным различиям в области вокализма дополнительную морфологическую значимость, состоящую в том, чтобы характеризовать в соответствии с их специфическими значениями либо маркированную, либо немаркированную категорию (мы сказали бы — категориальную форму) как в области имени, так и в области глагола. Вместе с тем, сопоставляя словацкий и чешский языки, два наиболее родственных из славянских языков, можно обнаружить некоторые различия в применении только что охарактеризованных морфологических средств. Важным свойством морфологизации долготы гласных является то, что эта тенденция осуществляется параллельно с тенденцией укорачивания слогов, выполняющей аналогичную морфонологическую функцию».

Наверное, более подробного обсуждения, чем это можно сделать в пределах настоящей рецензии, заслуживала бы статья Я. Горещкого «Порождающая модель назывных структур». За последнее

время вышло такое большое количество работ, подвергающих необычайно детальному, высококвалифицированному и в высшей степени убедительному критическому разбору положения «трансформационной грамматики» с ее «порождающими моделями», что теперь никак нельзя уже, как это делает автор, принять каноны этого направления в области теоретической логики, ориентированной на проблемы логических языков науки и т. п., как не нуждающиеся в обосновании и не требующие доказательств. Как во всех работах этого рода (включая работы С. К. Шаумяна, которым уделяется большое место в рассуждении автора), абстрактные модели, занимающиеся отношениями детерминации — как и все им подобные — не имеют непосредственного применения к языкознанию как науке о естественных человеческих языках. Совершенно ясно, что для этих последних разнообразие схемы «порождения» тех или иных структур, будь то с применением «правил трансформации» или без оных, не только ни в какой степени себя не оправдали, но, как показывают многочисленные современные исследования, и не могли себя оправдать, поскольку по самой природе своей соответствующие конструкции и гипотетико-дедуктивные выкладки могут иметь к языкознанию как эмпирической науке лишь весьма отдаленное и сложно-опосредствованное отношение.

Прямую противоположность статье Я. Горещкого представляет статья Л. Зудека «Конверсии в британском и американском вариантах субстандартного английского языка». Исследуя материал по словарям слэнга Парtridge и Берри-Ванденбарк, автор показывает, что конвертированные основы, особенно субстантивные и глагольные, образованные от сложных существительных, представляют собой весьма продуктивные типы словообразования в данных стилях речи, причем особенно распространенными оказываются они в американском варианте английского языка.

Очень интересная и ценная статья Э. Секаниновой «Структурно-семантический анализ приставочных глаголов (на материале приставочных глаголов с приставкой *пере-* в русском языке)» основывается на большом лингвистическом материале, анализ которого дает все основания для того, чтобы рассматривать значения приставки и основы как взаимобусловленные части сложного целого.

В. Бланар обращается к одной из исключительно интересных и вместе с тем малоизученных лексикологических проблем — к проблеме структурных совпадений в словарном составе балканских языков. Подвергнув очень интересному критическому обсуждению понятие семантического поля и пути его применения для конкретного лексического исследования, Бланар рассматривает распределение слов

с общим значением «стоять», «сидеть», «лежать» в разнообразных языках, принадлежащих балканскому языковому союзу. Путем самого тщательного сравнения «лексических микроструктур» автор обнаруживает не исследованные еще общие черты в лексической структуре балканских языков. Оказывается, что глаголы с общим значением «стоять», «сидеть» и «лежать» в болгарском, македонском, турецком, албанском и новогреческом обнаруживают частичную синонимичность и вполне отчетливо отличаются по характеру синтагматических связей от тех «валентностей», которые характеризуют глаголы «стоять», «сидеть» и «лежать», например, в западославянских языках.

И. Ружичка изучает законы построения предложения, исходя из следующего положения: как правило, разные члены предложения выражаются определенными частями речи и посредством определенных языковых категорий. Это — основной тип члена предложения. Однако наряду с этим основным типом может встречаться побочный тип, определенные типологические ответвления от основного. В грамматическом и семантическом отношении основной тип наименее подвержен каким-либо ограничениям, в то время как побочные типы всегда оказываются определенным образом ограниченными, т. е. связанными определенными конструктивными и семантическими условиями.

Выводы автора основываются на исследовании материала разных европейских и главным образом балканских языков. Среди многих очень интересных выводов и наблюдений, сделанных автором, следует обратить особое внимание на следующий: в типологических классификациях языков обычно обращается особое внимание на морфологию и словообразование, в то время как синтаксические явления привлекаются к рассмотрению гораздо реже и гораздо менее глубоко. Поэтому необходимо, чтобы не только наиболее часто встречающиеся центральные синтаксические явления подвергались углубленному исследованию, но чтобы изучались и периферийные образования.

Я. Шимко, известный своей очень ценной монографией по историческому синтаксису английского языка, останавливается на некоторых аспектах перехода от безличной к личной конструкции в английском языке. Он строит свои доводы на таких понятиях, как интенциональная ценность глаголов и функциональная перспектива предложения, т. е. строение предложения в первую очередь с точки зрения соотношения между темой и ремой высказывания. Мне представляется, что возражения против такого подхода к историческому синтаксису, которые были выдвинуты Р. Бернгом после выхода в свет упомянутой выше монографии Я. Шимко, не являются достаточно обоснованными, почему следует приветствовать

развитие и более фундаментальное обоснование позиций автора в рецензируемой статье. Действительно, почему так возросло количество личных оборотов на определенном этапе развития английского языка? Думается, что сводить это явление просто к упрощению морфологической системы нет оснований. Совершенно необходимо принять во внимание также и такие факты, как стремление к более последовательному соответствию семантической и грамматической структур английского предложения, что и привело к выражению темы предикации в субъекте в нормальных декларативных высказываниях.

И. Двонч намечает пути исследования страдательного причастия в литературном словацком языке. Специфической проблемой является соотношение диалектов и литературного языка и выяснение соотношения форм на *-nj*, *-tj* в едином национальном языке. Однако совершенно особый интерес должна представить поднятая более широкая проблема грамматической категоризации и, в частности, вопрос о категории предшествования.

Ф. Мико в статье «Падежная система в словацком языке» обращается прежде всего к необходимости теоретического обоснования понятия падежной системы, причем в качестве отправной точки он избирает работы Якобсона, Куриловича и де Грота. На основании очень детального и тщательно проведенного исследования материала автор приходит к выводу, что из всех маркированных падежей аккузатив является наиболее общим, а инструментал наиболее специальным падежом. Степень специализированности падежей изображается в виде матрицы.

Я. Оравец исследует структуру генитивного атрибута в словацком языке. Он детально рассматривает труды других исследователей, включая исследование Ф. Мико, работа которого только что была нами аннотирована. В своих очень интересных классификациях Я. Оравец пользовался критерием трансформации, критерием контактного и дистантного положения генитивного атрибута и критерием управления вместе с другими синтактико-семантическими критериями. В результате проведенного исследования автор дает стройную и схематически представленную картину структуры примынного генитива в современном словацком языке.

И. Котгай в своей статье «К вопросу об инвариантном значении форм русского императива» рассматривает вопрос, уже давно интересующий исследователей, включая и автора настоящей рецензии¹.

Как всегда, выделение основного варианта или, как теперь предпочитают говорить, инварианта из всего множества разнообразных «аллотагов» и синтаксических оттенков — дело весьма трудное. Поэтому очень интересным является вывод И. Котгай, построенный им с учетом большинства предшествующих исследований. Этот вывод заключается в том, что общим инвариантным значением русского императива является выражение нереальности действия по отношению к высказыванию (с точки зрения говорящего) и сигнализация о присутствии адресата.

И. Штольц посвящает свою статью «Исследование межъязыковых отношений и лингвистическая география» одной из актуальнейших проблем современного языкознания, причем совершенно правильно отмечается интерес, который представляют для исследователя словацкие диалектные явления. Этот материал дает особенно богатые возможности для развития теории вопроса и широкого рассмотрения вообще проблемы взаимоотношений между диалектами, а также родственными и неродственными языками на различных уровнях языковой структуры. Приведенный автором очень интересный материал дает все основания для вывода о том, что основным методом исследования в этой области является лингвистическая география, потому что только она может обеспечить вполне научно обоснованные выводы, которые не будут затуманены разного рода априористическими построениями.

А. Габоштык в статье «К вопросу о влиянии валахской колонизации на словацкие диалекты» считает, что это влияние проявилось через некоторые элементы восточнословацкого происхождения, а также через некоторые отдельные особенности украинского и польского происхождения. Валахская колонизация способствовала также распространению слов скотоводческой и охотничьей терминологии румынского происхождения. Вполне возможно, что именно валахи распространили некоторые слова венгерского происхождения, хотя венгерские слова проникали в словацкие диалекты также и другим путем.

Небольшой этюд историко-этимологического характера Ш. Ондруша «Первоначальное морфемное строение индоевропейского названия для Луны и месяцев» дает очень любопытный материал и позволяет автору прийти к следующему выводу: праиндоевропейское обозначение Луны и вторичное по отношению к нему название месяца представляло собой сложное слово, первый элемент которого обозначал корневую морфему *meH-* со значением «мерить; мера», а второй элемент — корневую морфему *Henkt-/Hnekt-* со значением «ночь». На основе этой реконструкции автор находит возможным объяснить название «луны» и «месяца» во всех индоевро-

¹ См.: О. С. А х м а н о в а, Некоторые особенности глагольной гиперлексеми в русском языке, сб. «To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday», The Hague, 1967.

пейских языках. Оказывается, что вторая половина первоначального названия редуцировалась во всех индоевропейских языках, что явилось проявлением общей тенденции к сокращению фонемного состава слова при переходе от би- к моносемантике.

Оценивая сборник, следует прежде всего указать на разнообразие представленных в нем научно-лингвистических проблем, на свежесть, глубину и компетентность их трактовки. Вместе с тем, нельзя

не обратить внимания на то, что различные по тематике работы оказываются внутренне связанными общей традицией, общим высоким уровнем лежащей в их основе лингвистической теории. Поэтому в заключение хотелось бы выразить надежду на скорое появление следующего, т. е. третьего, тома этого сборника.

О. С. Ахманова